

Е.В. ПЕТРОВА

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ МЕДИАКОНТЕНТА И КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМА НОВОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА*

Евгения Викторовна Петрова,

Донской государственный технический университет,
кафедра «Массовые коммуникации и мультимедийные
технологии», доцент, кандидат филологических наук
e-mail: e25@mail.ru

Гагарина пл., д. 1, Ростов-на-Дону, 344010, Россия

Опираясь на эмпирические материалы исследования, проведенного в 2013 г. в Ростовской области, в статье прослежено взаимное влияние реального времени и пространства на медийные время и пространство. Поднята проблема изменения отношения людей к пространству и времени в условиях развития современных медиапрактик. Медиареальность конструирует другое время и другое пространство. В системе сельской жизни этот фактор накладывается на масштабные процессы диффузии городской и сельской культур. Особенности повседневности сельских жителей оказывают влияние на сложившуюся систему медиапотребления, в которой принимается технологическая часть инноваций, но в оценке содержания прослеживается явный приоритет образов прошлого. Доминирование категорий медийной реальности находит отражение в повседневности респондентов, придает особую значимость медийному контенту и влияет на формирование отношения к нему.

Ключевые слова: медиа, медиапрактики, повседневность, пространство, время, телевидение, Интернет, сельский быт.

Для цитирования: Петрова Е.В. Взаимовлияние медиаконтента и культуры повседневности сельского поселения Юга России: проблема нового вре-

мени и пространства // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 36–43.

Возможность проникновения различных медиа в дом, их вторжение в приватное пространство семьи были осознаны как важные характеристики меняющегося мира. Сначала радио, потом телевидение, компьютер, изменив уклад, стали не только частью материальной среды жилого пространства, но и трансформировали представление о пространстве и времени, впуская внешний мир туда, куда от него традиционно прятались.

Рассмотрим, как влияют друг на друга медиаконтент и уклад повседневности жителей сельской местности на примере Коксовского сельского поселения Белокалитвинского района Ростовской области (более 65 глубинных интервью и анализ уклада жизни 58 семей). Появилась гипотеза, что, несмотря на различия в медиапрактиках и предпочтениях сельских жителей разных возрастов, профессий, уровней дохода, подавляющему большинству из них свойственно неприятие пространственно-временного настоящего. Это отражается и в структуре быта, и в оценке медиаконтента.

* Эмпирической основой статьи стали результаты исследовательского проекта, который был реализован Лабораторией медиаисследований Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Донским государственным техническим университетом в Ростовской области летом 2013 года.

В качестве теоретической базы принимаются исследования пространства и времени — важнейшие характеристики для понимания феномена человека. «Пространство и время — это коммуникативные возможности, зависящие от скоростей коммуникаций. Пространство и время неоднородны, анизотропны, изменчивы» [1, с. 118].

Согласно подходам акторно-сетевой теории, «пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами — именно этим определяются границы возможного» [2, с. 31]. Детально характеризует жилое пространство И.В. Утехин в работе «Очерки коммунального быта», отмечая, что «пространство — не абстрактная категория, а конкретная часть картины мира. <...> Пространство отмечено жизнью и индивидуальностью во всяком своем месте...» [3, с. 42].

Для понимания сути времени, как полагает М. Хайдеггер, необходимо соотнести временность с понимающим бытие присутствием. Речь идет о присутствии человека в мире, его погруженности в бытие. Что касается самого феномена настоящего («нынешнего», «теперешнего»), то, опираясь на теоретические представления М. Хайдеггера, мы связываем в настоящем и пространство и время.

Е.В. Савенкова отмечает, что в современном обществе нарастает настроение несовпадения со временем [4], а Т.Б. Кудряшова считает, что в современной культуре «...размываются границы между пространством и временем, но чаще “в пользу” пространства» [5, с. 176].

Воспринимаемые человеком пространство и время могут значительно отличаться от реального. Медиареальность конструирует другое время и другое пространство. Получается, что человек живет как минимум в трех пространственно-временных системах:

- ◆ реальное время и пространство;
- ◆ воспринимаемое время и пространство;
- ◆ медийное время и пространство.

Последняя обозначенная система значительно влияет на восприятие человеком реального времени и пространства и способна перемещать в иную реальность, выводить далеко за пределы привычного уклада.

Отношения человека со временем и пространством, формируемые через медиа, становятся все более индивидуализированы. Человек выстраивает с медиаконтентом личные отношения, медиапотребление персонифицируется [6]. При этом медиа — «это уже не технические средства, наполняющие нашу жизнь разнообразными образами, а практически нерефлексируемая окружающая среда» [7, с. 59].

В восприятии людей происходит совмещение образов среды, которые транслируют медиа (в сельской местности это, преимущественно, телевидение, так как связь с Интернетом не достаточно качественная, а прием радиосигнала тоже ограничен техни-

ческими сложностями); среды, которую люди конструируют в своем доме и на приусадебном участке, наполняя ее разнообразными предметами и смыслами; и внешней среды сельского поселения, определяемой историко-географическими факторами, а также деятельностью органов местного самоуправления.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЯ

Исследователи отмечают, что российские села переживают едва ли не самый драматичный период своей истории [8]. По итогам десятилетнего проекта Центра всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села эксперты пришли к выводу, что отрицательные сдвиги произошли и в ожиданиях сельского населения. Это напрямую связано с экономическим положением российских сел. «Значительно вырос удельный вес респондентов, полагающих, что жизнь ухудшится» [9, с. 16]. Исследователи отмечают высокий уровень внутренней трудовой миграции из сел в города [8–10]. На современном этапе для российских сел характерно смешение городской и сельской культур. При этом в сложившейся нестабильной системе важное значение имеет влияние образов и контекстов из медиа [11, 12].

Изложенные выше черты характерны для Коксовского сельского поселения Белокалитвинского района Ростовской области, образованного в 1932 г. как «Коксовый рабочий поселок с центром при шахте № 5 с включением в него населенных пунктов: Ольховского, Бородинова, шахты: № 1, 3, 4, 5, 10 и ст. Коксовый» [13]. До строительства в начале XX в. шахт на этом месте существовал казачий хутор Ольховский, заселенный свободными после отмены крепостного права казаками.

Открытие шахт изменило состав населения этих мест: для добычи угля сюда приехали рабочие из разных регионов. В послереволюционный период многие казаки были убиты, их место заняли новые переселенцы. Местные жители рассказывали, что работать на шахты привозили заключенных. Новые люди появлялись здесь «волнами», несколько раз в течение XX в., так что казачьих традиций практически не сохранилось. Активно возрождать казачью идентичность, искать корни, интересоваться судьбой предков начали только после перестройки. В 1990-е гг. большая часть шахт была закрыта. Жители прежде достаточно обеспеченного сельского поселения потеряли работу, часть переселилась в города. Однако период тяжелой безработицы был непродолжительным, так как в соседнем городе Белая Калитва стали открываться небольшие заводы, частные предприниматели выкупили несколько шахт и возобновили в них добычу.

Семей, в которых несколько поколений живут в этой местности и не рассматривают варианты переезда, в поселении немного. Большинство респондентов рассказывали в интервью либо о своем опыте смены места жительства, либо об опыте членов своей семьи. Молодые люди рассматривают варианты переезда как один из наиболее желательных вариантов своей будущей жизни. В Коксовском сельском поселении много заброшенных домов, неухоженных участков, поскольку в постсоветский период из сельского поселения активно уезжали. В интервью респонденты неоднократно отмечали, что рассматривают жизнь в этих местах как временный вариант. Большинство домохозяйств находится в процессе реконструкции, ремонта, либо жители планируют это сделать, откладывая реализацию планов из-за отсутствия финансовой возможности.

Уровень обеспеченности большинства семей (по их собственным оценкам) позволяет покупать сравнительно дорогую медиатехнику, делать ремонт дома, ездить в Ростов-на-Дону в театры, на выставки, концерты, т. е. удовлетворять не только материальные, но и духовные потребности. Однако контраст уровня жизни разных семей очень ощутим.

Коксовское сельское поселение не является типичным для Юга России, поскольку южные села, как правило, имеют ярко выраженную ориентацию на сельскохозяйственное производство [10]. Здесь сельскохозяйственная деятельность является вторичной, в основном жители ориентированы на работу в городах. Уход от аграрной деятельности как от основного вида заработка характерен для многих сел России. А.А. Новикова и И.В. Кирия на основе компаративного анализа медиапотребления сельских жителей Костромской (с. Мантурово) и Ростовской областей (Коксовское сельское поселение) использовали характеристику «недоурбанизированная идентичность» [11], акцентируя внимание на диффузии городской и сельской культур в эпоху стремительного развития медиатехнологий.

СФЕРА ДОМА И СПЕЦИФИКА МЕДИАПРАКТИК

Весь вышеописанный комплекс причин привел к созданию «структуры временного бытования», когда люди не ощущают пространство своим, созданным по своим законам и предпочтениям, а воспринимают его как переходное, предвкушая, что на следующем этапе оно изменится. При этом не всегда понятно, как именно, а этап реконструкции может длиться годами и даже десятилетиями, не имея четкой конечной цели и временного ограничения.

В качестве одного из мощных факторов «распоседневнивания» сферы дома Т.В. Волкова назы-

вает то, что «...в ткань домашней повседневности прочно входят средства массовой коммуникации...» [14, с. 16]. И действительно, жители Коксовского сельского поселения отмечают, что они регулярно и активно используют средства массовой коммуникации. Большинство респондентов не имеют четких медийных предпочтений — это касается и выбора телевизионных каналов, и выбора программ. Во многих домах установлена спутниковая антенна, люди с помощью пульта «перелистывают» десятки каналов, осуществляя выбор исходя из привлекательности случайно попавшихся кадров.

Аналогичные особенности присущи и организации домашнего пространства респондентов. В интерьер без колебаний добавляются все вещи, попавшие в дом. Очевидно явное стремление украшать свой быт, причем часто экзотическими деталями, нехарактерными ни для интерьера в целом, ни для региона, ни для образа жизни респондентов. Многие интерьеры домохозяйств Коксовского сельского поселения вполне могли бы оказаться в любом другом аналогичном по типу поселке. Очень редко встречалось убранство дома, продуманное до мелочей. В основном пространство дома выглядело заполненным хаотично, без осознанного выбора деталей и отражения личностных предпочтений. В беседах респонденты подчеркивали, что подобные вещи, как в их доме, есть у кого-то еще, как бы становясь ближе к тем людям и размывая свою индивидуальность. «Быть одним из» — удобная и частая жизненная позиция. И медиа дают широкий выбор примеров и образцов, к которым можно присоединиться в своем восприятии мира, став одним из многих.

Через вещественный мир люди зачастую более непредвзято выражают свое отношение, формулируют позицию. Здесь меньше внутренней цензуры, характерной для вербальных форм. Мало кто из представителей сельской аудитории улавливает взаимосвязь интерьера домохозяйства, повседневных практик с восприятием информации медиа. Однако, по мнению исследователей культуры, восприятие зрелища (в том числе и медиазрелища) зависит от среды и конкретных технических устройств воспроизведения [15, с. 45]. Его ценность может приобретать дополнительную значимость либо, наоборот, обесцениваться. Точно также способна меняться и степень доверия к информации.

В ходе интервью мы подтвердили гипотезу, что люди не только склонны верить тем сообщениям, которые соотносятся с уже существующим у них представлением о жизни, но и информации, которая органично вписана в среду. Очень часто, оценивая достоверность того, как показана жизнь простых россиян в новостях или отечественных сериалах, сельские жители говорили, что не верят им, потому что «так обычные люди не живут», «у меня таких вещей отродясь не было» (ответы респондентов по материалам автора здесь и далее в статье выде-

лены курсивом. — Е.П.), значит и у сельских жителей в сериалах не может быть.

Респонденты спокойно относятся к тому, что медиа — необъективны, меняют действительность. В современном мире медиа дают возможность человеку перемещаться в исторических эпохах, преодолевать тысячи километров, не изменяя своего положения в реальности.

Т.В. Волкова отмечает, что «процесс “расповседневнивания” помогает разорвать рутину повседневности, вырваться за ее пределы, однако изменение привычной обстановки нередко приводит к тому, что человек не может вжиться в новое, неповседневное пространство» [14, с. 17].

МЕДИАПРИБОРЫ КАК ЦЕНТР ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА

Пространство всегда заполнено вещами и становится своеобразной системой упорядочивания. В центре пространственной организации большинства домохозяйств жителей сельской местности оказываются приборы медиапотребления. Аналогичные черты отмечали исследователи повседневности коммунальных квартир. «Телевизор возвышается посреди стола на расстеленной русской шали, будто алтарь религии всех современных удобств» [цит. по: 3, с. 36].

В сельских домах телевизоры, компьютеры любят окружать различными нефункциональными предметами, имеющими важное смысловое значение (фото близких людей, иконы, грамоты, кубки, статуэтки и т. д.). Кроме того, зачастую медиаприборы размещаются комплексно в одной комнате: рядом с телевизором ставят компьютер, mp3-проигрыватель, музыкальный центр, заряжают телефон и т. д. В то время как в других комнатах больше нет таких предметов.

Самый лучший телевизор стоит в гостиной, даже если хозяева большую часть времени проводят в других помещениях и смотрят телевизор в основном там. В интервью респонденты рассказывали о том, как организуют свою жизнь с учетом медиапрактик. Например, обычно хозяева смотрят небольшой телевизор на кухне, но если в доме появляется гость, просмотр программы продолжается в гостиной. Респонденты рассказывали, что любимые фильмы, важные передачи смотрят «*по самому главному телевизору в доме*». Чтобы посмотреть любимую программу, нужно успеть доделать все дела к этому времени. В одном из интервью респондент рассказала, что в доме «*пришлось сделать перестановку, чтобы можно было спокойно в Интернете посидеть*».

Интересно, что многие респонденты хранят давно нефункционирующие медийные устройства:

♦ «У нас телевизоров шесть, целый склад. Два показывают»;

♦ «Телевизоров четыре. Работают два. Тот, что на кухне, ему уже лет пятнадцать. Вот мы его тягем. А в гостиной телевизор бережем».

Приборов медиапотребления даже в бедных домах больше, чем членов семьи. При этом отметим, что для многих респондентов факт использования новых медиа, прогрессивного на их взгляд контента — принципиально важный вопрос. Для респондентов это является основанием причисления себя к более сильным, современным социальным группам, которые, как правило, живут не в данной местности. Они с удовольствием рассуждают на эту тему.

В интервью респонденты со смущением признавались, что не умеют пользоваться какой-либо из технологических новинок, объясняли причины, выражали надежду, что изменят эту ситуацию. При этом из бесед с респондентами о медийном контенте сложно выделить какие-либо программы, форматы, темы, которые бы воспринимались респондентами как более прогрессивные и значимые. Приобретая более современное оборудование, респонденты зачастую продолжают потреблять все тот же медиаконтент. Формальная составляющая медиаинноваций для респондентов на данном этапе более значима, чем содержательная. В выборе контента респонденты в основном консервативны, склонны к традиционным практикам. Они не стремятся здесь к переменам, а ценят понятный им контент.

МЕДИА И ВРЕМЯ

Практически в каждом интервью, привезенном из Коксовского сельского поселения, есть части, помогающие понять отношения респондентов со временем. В основном эта связь выражена не прямо, а прослеживается сквозь рассуждения на другие темы, в контексте. Респонденты характеризуют время как «мое», «не мое», «наше время», «в свое время», «другое время», «в то время», «вот были времена» и т. д. Время «трудно найти», его можно «убить», «потерять», «потратить».

Е.В. Савенкова отмечает, что время в массовом сознании претерпевает странные метаморфозы: «Повседневность допускает все что угодно, только не пустоту, не молчание. <...> Молчащее время не просто нежелательно, но скорее непереносимо» [4, с. 151]. Среди жителей Коксовского сельского поселения принято заполнять эту пустоту использованием медиа. Телевизор, радио могут работать практически все время, даже если кто-то из членов семьи находится недалеко. К компьютеру, телевизору часто обращаются «в свободное время». Самый востребованный контент медиа — развлекательный. Медиапотребление стало одним из самых частых вариантов проведения досуга. При этом для респондентов это время не пустое, а значимое, важное.

Выбор времени медиапотребления соотносится с ритуалами респондентов. Ритуальным становится не только сам процесс медиапотребления (что смотреть, в какое время). Черты ритуала приобретает и выбор медиаконтента. По мнению А.И. Черных, «ценность ритуалов в фиксации преобразования существующего, в указании на момент перехода от прошлого в будущее» [16, с. 37], медиа «занимают ставшее вакантным место прежних “физических” ритуалов» [16, с. 63]. В таком контексте настоящее — более формально, а прошлое и будущее — более содержательны. Оживая в медийном времени, образы прошлого приобретают особую значимость и смысл, актуализируются, становятся более ценными.

Опираясь на материал, собранный в Коксовском сельском поселении, отметим, что респонденты по-разному относятся ко времени реальному и медийному. Так, рассказывая о своей реальной жизни, о работе, внемедийном досуге, других формах проведения времени, респонденты были скупы на образные выражения, говорили сухо, без особого интереса. Ситуация менялась при описании медийного контента. На глазах у интервьюеров иногда даже разгорались семейные споры по поводу трактовки событий в медиа, отношения к медийным героям. Жизнь в сельской среде не кажется респондентам интересной. Это наблюдение можно проиллюстрировать данными социологических исследований. Так, например, в опросе фонда «Общественное мнение», половина респондентов из сельской местности считает, что в городе жить интереснее, чем на селе. Только 18% городских жителей считают интересной сельскую жизнь [17].

Сегодняшний день интересует респондентов гораздо меньше, чем дела минувшие, восприятие будущего наполнено страхами и предрассудками. Рассуждения о прошлом и будущем эмоционально окрашены, снабжены значительной детализацией, тогда как все то, что касается настоящего, рассказано сухо, невнятно, как не имеющее особого значения. В интервью респонденты охотно рассуждают о жизни людей в городах и других странах. О своей жизни говорят с меньшей охотой, объясняя это в основном тем, что в ней мало интересного, удивительного для собеседника.

Медийное время, как правило, проходит гораздо более насыщенно, чем время реальное. Е.В. Савенкова считает, что «погрузив человека в поток “всегда срочных” сообщений, СМИ разорвали цепь времен, создали совершенно новый тип времени — время спектакля» [4, с. 157].

В реальной жизни, желая перемен, мы можем менять пространство. Время же линейно, проживать жизнь можно только от одного этапа к другому. В медийной реальности возможно перемещать временные отрезки как вещи в пространстве. За один временной промежуток реального времени

в медийной реальности можно многократно переместиться из прошлого в настоящее, в будущее, притом в разной последовательности. Точно также как медийное время приобретает все больше пространственных свойств, так и пространство начинает восприниматься через призму отношения к медийному времени. Особое отношение к медийному времени, его избранность, в пространстве дома выражается в отношении к приборам медиапотребления, их расположении в смысловых центрах дома, в окружении важных предметов и деталей.

Содержание современных средств массовой информации опирается на большое число стереотипов, легко считываемых контекстов, стандартных образов. Так же как в своих оценках различных явлений жизни сельские жители демонстрируют желание опираться на чье-то мнение, суждение, значимое для них, так и в восприятии медиаконтента для них важна опора на известное, понятное, проверенное временем. Т.Б. Кудряшова отмечает, что в медиапространстве «функционирует огромное количество стандартных образов (особенно визуальных). При их восприятии “ожидание” почти всегда оправдывается, мы можем в своем внутреннем времени существенно “забегать вперед” и почти безошибочно воспринимать имманентный предмет задолго до его буквального внешнего восприятия» [5, с. 181]. В такой системе все меньше значит будущее как неизвестность, его заменяют конструкты из настоящего и прошлого. При этом образы прошлого, доминирующие в важном и значимом для респондентов медийном времени, становятся основным смысловым наполнением восприятия времени в целом.

ВНЕ НАСТОЯЩЕГО: В ПРОСТРАНСТВЕ, ВО ВРЕМЕНИ, В МЕДИАПОТРЕБЛЕНИИ

Вторжение медиакультуры в пространство провинциального уклада — процесс стремительный и мощный. Активизация его произошла в период, когда разрушались основные концепты традиционной культуры. Исследователи отмечают, что телевидение и новые медиа «стимулируют диффузию городской и сельской культуры» [11].

На смену понятным и легко считываемым образам сельской жизни пришли символы из других сфер и направлений. Диффузия культур способна обогатить, насытить новыми примерами традиционную систему. Однако отметим травматичность таких стремительных перемен. Возникает конструкция, в которой перемены происходят без четкого понимания конечной цели, где ощущается потребность в опорных практиках и примерах.

Изучая особенности организации жилых пространств, восприятие респондентами актуальных событий и явлений, а также по итогам анализа понимания медийного контента респондентами, отметим характерную особенность: то, что происходит в их жизни в настоящем времени, имеет значительно меньшее значение, чем события прошлого. Будущее же воспринимается через призму прошлого.

Наше исследование показало, что медиапотребление сельских жителей Ростовской области, при всем многообразии возможностей, сводится к потреблению очень узкого круга передач преимущественно федерального телевидения («Первого канала» и «России 1»). Аудитория ищет опору в более понятных структурах, часто отдавая предпочтение советскому кино. Человек утверждает себя в реальности через систему, сконструированную из элементов пережитого и экзотичных деталей далекого (неосвоенного) пространства. В медиапотреблении респондентов проявляется интересная особенность: они отторгают свершившиеся инновации и недооценивают их положительный потенциал. Точнее, принимают только их технологическую часть, с удовольствием покупая и используя новую медиатехнику, а при оценке контента ориентируются на паттерны прошлого. Для сельских жителей характерно неприятие контента, отражающего реальные злободневные ситуации настоящего времени и информацию о жизни территории, где живет респондент.

Восприятие медийного времени, как более значимого и ценного по сравнению с реальным, придает особую значимость образам и стереотипам из медиа и всему тому, что связано с медиа. Это отражается в организации жилых пространств респондентов: приборы медиапотребления размещаются в смысловых центрах домохозяйств.

И все же в ходе наблюдений мы пришли к выводу, что в сложной системе разнообразных пространств и укладов — городского и сельского, старого и нового, реального и виртуального — медиа (в первую очередь телевидение, но и роль Интернета весома) оказываются посредником, скрепляющим разнородные части. Сельские жители осознают этого посредника, включая контакт через него в обязательные практики повседневности, превращая медиапотребление в ритуал и создавая ритуалы и в практиках медиапотребления, и в восприятии медиаконтента.

Список источников

1. Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 111–120.
2. Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
3. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. Москва : ОГИ, 2004. 280 с.
4. Савенкова Е.В. Время в массовом сознании // Медиа-философия: основные проблемы и понятия / под ред. В.В. Савчука. Санкт-Петербург : СПб. филос. о-во, 2008. С. 151–164.
5. Кудряшова Т.Б. Переживание времени в условиях медиапространства // Медиафилософия: основные проблемы и понятия / под ред. В.В. Савчука. Санкт-Петербург : СПб. филос. о-во, 2008. С. 170–181.
6. Дунас Д.В. К антропологической теории рассмотрения медиакommunikаций [Электронный ресурс] // Медиа-скоп. 2009. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/old/node/481> (дата обращения: 21.10.2014).
7. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. Январь. С. 58–66.
8. Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 69–77. URL: <http://www.ecsocman.hse.ru/data/385/330/1217/007.BONDARENKO.pdf> (дата обращения: 30.09.2015).
9. Бондаренко Л.В. Российское село в зеркале социологии // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 2. С. 15–19.
10. Нефедова Т. Пространственные контрасты сельской местности [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2012. № 6(51). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/6/prostranstvennye-kontrasty-selskoy-mestnosti> (дата обращения: 28.08.2014).
11. Новикова А.А., Кирия И.В. Недоурбанизированная идентичность: компаративный анализ медиапотребления сельских жителей Костромской и Ростовской областей [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/788138c5fe536bc379ea587e8d533a92668ea95e.docx> (дата обращения: 18.05.2014).
12. Новикова А.А., Чумакова В.П. Советские фильмы в новой медиасреде: идеализация или дискредитация представлений о прошлом // Обсерватория культуры. 2014. № 2. С. 61–67.
13. История поселения [Электронный ресурс] : офиц. сайт администрации Коксовского сельского поселения Белокалитвинского района Ростовской области. URL: <http://www.koksoadm.ru/component/content/article/59-0-poselenii/istoriya/73-history> (дата обращения: 01.12.2015).
14. Волкова Т.В. Приватная сфера дома как культурный феномен // Вестник славянских культур. 2013. № 3(29). С. 12–18.
15. Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры / Рос. акад. наук. Гос. ин-т искусствознания. Москва : Классика-XXI, 2003. 254 с.
16. Черных А.И. Медиа и ритуалы. Москва ; Санкт-Петербург : ЦГИ «Гнозис», 2015. 160 с.
17. Жизнь городская и сельская [Электронный ресурс] // Исследование фонда «Общественное мнение». 2014. Апрель. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11434> (дата обращения: 28.09.2015).

E.V. PETROVA

INTERACTION BETWEEN THE MEDIA CONTENT AND THE EVERYDAY CULTURE OF RURAL SETTLEMENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA: THE PROBLEM OF NEW TIME AND SPACE

Resting upon the empirical research conducted in 2013 in the Rostov Region, the article seeks to explore the mutual influence of the real space and time and the media time and space. The author raises the issue of changes in the people's attitude to space and time under the conditions of modern media practices' development. The media reality forms another time and another space. In the system of rural life, this factor is superimposed on the large-scale processes of the urban and rural cultures' diffusion.

Characteristics of the rural residents' everyday life have an impact on the existing system of media consumption, which adopts the technological part of the innovations, but as to the content's evaluation — it gives a clear priority to the images of the past. Dominance of categories of the media reality is reflected in the everyday life of the respondents, emphasizes the media content, and influences the formation of the attitude towards the content.

Key words: media, media practices, space, time, television, the Internet, rural life.

Citation: Petrova E.V. Interaction between the Media Content and the Everyday Culture of Rural Settlements of the South of Russia: the Problem of New Time and Space, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 36–43.

About author

Evgeniya Viktorovna Petrova,

Don State Technical University,
Associate Professor of the Department of Mass Communications and Multimedia Technologies,
Candidate of Philology,
e-mail: e25@mail.ru
Gagarina sqr., 1, Rostov-on-Don, 344010, Russia

Acknowledgements

Results of a research project, realized by the Laboratory of Media Research of the Centre of Fundamental Research of the National Research University "High School of Economics" and by the Don State Technical University, became the empirical basis of the article.

References

1. Tarasenko V.V. Antropologiya Internet: samoorganizatsiya «cheloveka klikayushchego», *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences Today], 2000, no. 5, pp. 111–120.
2. Law J. Ob'ekty i prostranstva [Objects, Spaces and Others], *Sotsiologicheskoe obozrenie kultury* [Russian sociological review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–42.
3. Utehin I.V. *Ocherki kommunalnogo byita*. Moscow, OGI Publ, 2004, 280 p.
4. Savenkova E.V. *Vremya v massovom soznanii*, *Mediafilosifiya: osnovnyye problemy i ponyatiya*. Sant-Petersburg, SPb. filos. o-vo Publ., 2008, pp. 151–164.
5. Kudryashova T.B. *Perezhivanie vremeni v usloviyah mediaprostranstva*, *Mediafilosifiya: osnovnyye problemy i ponyatiya*. Sant-Petersburg, SPb. filos. o-vo Publ., 2008, pp. 170–181.
6. Dunas D.V. K antropologicheskoy teorii rassmotreniya mediakommunikatsiy [To the anthropological theory of media communications examination], *Mediascope* [Mediascope], 2009, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/old/node/481> (accessed 21.10.2014).
7. Kolomiets V.P. Mediasreda i mediapotrebleniye v sovremennom rossiyskom obshchestve [Media environment and media consumption in contemporary Russian society], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2010, no. 1, January, pp. 58–66.
8. Bondarenko L.V. Selskaya Rossiya v nachale XXI veka (sotsialnyiy aspekt) [Rural Russia in the early 21st century (social aspect)], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2005, no. 11, pp. 69–77. Available at: <http://www.ecsocman.hse.ru/data/385/330/1217/007.BONDARENKO.pdf> (accessed 30.09.2015).
9. Bondarenko P.V. 2010. Rossiyskoe selo v zerkale sociologii [Russian village in the Mirror of Sociology], *Jekonomika sel'skogo hozjajstva i pererabatyvayushhih predpriyatij* [Economics of agriculture and processing enterprises], No. 2, pp. 15–19.
10. Nefedova T. Prostranstvennyye kontrastyi selskoy mestnosti [Spatial Contrasts of the Countryside], *Otechestvennyye zapiski*, 2012, no. 6(51). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/6/prostranstvennyye-kontrasty-selskoy-mestnosti> (accessed 28.08.2014).
11. Novikova A.A., Kiriya I.V. *Nedourbanizirovannaya identichnost: komparativnyiy analiz mediapotrebleniya selskih zhiteley Kostromskoy i Rostovskoy oblastey*. Available at: <http://regconf.hse.ru/uploads/788138c5fe536bc379ea587e8d533a92668ea95e.docx> (accessed 18.05.2014).
12. Novikova A.A., Chumakova V.P. Sovetskie filmyi v novoy mediasrede: idealizatsiya ili diskreditatsiya predstavleniy o proshlom? [Soviet Films in the New Media Environment: Idealization or Discretization of the Past?], *Observatoria kultury* [Observatory of Culture], 2014, no. 2, pp. 61–67.
13. *Istoriya Koksovskogo selskogo poseleniya*. Available at: <http://www.koksoadm.ru/component/content/article/59-0-poselenii/istoriya/73-history> (accessed 01.12.2015).
14. Volkova T.V. Privatnaya sfera doma kak kulturnyy fenomen [Private sphere of home as cultural phenomenon]

- enon], *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic cultures], 2013, no. 3(29), pp. 12–18.
15. Dukov E.V. *Kontsert v istorii zapadnoevropeyskoy kulturyi*. Moscow, Ros. akad. nauk, Gos. in-t iskusstvoznaniya, Klassika-XXI Publ., 2003, 254 p.
16. Chernyih A.I. *Media i ritualy*. Moscow, Sant-Petersburg, Gnozis Publ, 2015, 160 p.
17. Zhizn gorodskaya i selskaya, *Issledovanie fonda "Obschestvennoe mnenie"*, 2014. Available at: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11434> (accessed 28.09.2015).

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре обсудил ход работы над проектом «Стратегии государственной культурной политики»

8 февраля 2016 г. Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре рассмотрел вопрос о ходе работы над проектом «Стратегии государственной культурной политики в Российской Федерации на период до 2030 года».

Как отметила председатель Комитета Совета Федерации З.Ф. Драгункина, разработка и принятие Стратегии является важной составляющей реализации «Основ государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента РФ в декабре 2014 года.

Сенатор напомнила, что в ходе совместного заседания Государственного совета и Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству В.В. Путин в своем выступлении подчеркнул два ключевых момента — создание надведомственного координационного органа, среди функций которого числится разработка данного проекта Стратегии и создание нормативно-правовой базы для реализации государственной культурной политики.

«Эти задачи, обозначенные главой государства, необходимо реализовать», — сказала председатель Комитета Совета Федерации.

Парламентарий также указала на важность ориентирования регионов на положения «Основ государственной политики» и своевременное внесение изменений в федеральное и региональное законодательство.

Заместитель министра культуры РФ А.В. Журавский проинформировал о ходе работы над документом, в целях расширения присутствия и влияния российской культуры в мире, сохранения единого культурного пространства нашей страны, преодоления региональных диспропорции в развитии культур, использования потенциала культуры для гармонизации общественных отношений, усиления роли семьи и семейных отношений в ценностях россиян, роли культуры в процессе становления и социализации личности, сохранение объектов культурного наследия.

В обсуждении приняли участие первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации Л.С. Гумерова, заместители председателя Комитета Совета Федерации С.Е. Рыбаков, В.М. Кресс, члены Комитета Совета Федерации С.Е. Щерблягин, А.Н. Соболев, В.В. Кондрашин, Г.А. Савинов.

Подводя итоги дискуссии, З.Ф. Драгункина подчеркнула необходимость привлечения к разработке проекта Стратегии и проекта Плана по ее реализации представителей органов государственной власти субъектов РФ.

«Совет Федерации как палата регионов будет держать на постоянном контроле дальнейшую работу над этими документами», — заключила законодатель.

Обсуждаемый проект Стратегии опубликован на официальном сайте для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» по адресу: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=45337>

По материалам сайта Совета Федерации и Федерального Собрания Российской Федерации
<http://council.gov.ru/press-center/news/64177/>